

как борьбу за «доходы» (в связи с сокращением последних в условиях кризиса позднеантичного общества). Борьбы с «феодализацией» знати здесь действительно не видно. Более того, вероятно, именно показанная Г. Е. Лебедевой «межсословная» сплоченность господствующего класса вокруг автократии наряду с прочим позволила ему попытаться в VI в. упрочить свой «крупноземлевладельческий базис» в международном масштабе. Добавим, что, видимо, этот фактор, укрепив на время позиции позднеаравладельческой знати, сделал ее способной в ряде случаев мобилизовать на поддержку своих великодержавных планов довольно широкие слои средних и мелких собственников.

Таким образом, общие выводы Г. Е. Лебедевой относительно характера эволюции основных ранневизантийских сословий и ее итогов к началу VI в. представляются правомерными. Общество Византии IV—V вв., видимо, можно определить как «устойчиво позднеантичное» (с. 165), а его классы — как классы Римской империи, претерпевшие трансформацию — пусть и глубокую, но все же частичную.

Досадно, что объем книги не позволил автору с достаточными подробностями и скрупулезностью подтвердить на материале законодательства очень важные и зачастую оригинальные наблюдения над эволюцией плебса, куриалов и сенаторов, т. е. так же, как это сделано в главах о рабах и колонах (даже число страниц, посвященных указанным сословиям, очень неравномерно — соответственно 21, 19, 15, 58, 40). Поэтому, например, много тезисов относительно эволюции куриалов и сенаторов базируется на материале новейших исследований (с минимумом источниковедческого анализа). Если в отношении куриалов этот недостаток снимается апелляциями автора к блестящим исследованиям Г. Л. Курбатова, то анализ истории сенаторского сословия безусловно ждет от Г. Е. Лебедевой своего углубления.

Geographica Byzantina/Sous la direction d'N. Arweiler. P., 1981. 139 p.

Историческая география Византии, несмотря на давние традиции, существовавшие в бельгийской и французской византинистике, лишь в последние десятилетия переживает свой подъем. То внимание, которое уделяется сейчас этой вспомогательной дисциплине, обусловлено прежде всего недостатком вспомогательных средств, необходимых для успешной работы во всех областях византистики¹.

Большая заслуга здесь принадлежит Международной комиссии по исторической географии, которую возглавляет Э. Арвейлер. На первом ее заседании в Афинах в декабре 1974 г. были определены основные перспективные на-

Отметим также, что, несмотря на стремление автора обрисовать четкую структуру социальной и сословной субординации эксплуатируемых и эксплуататорских групп ранней Византии, в книге нет попытки определения, например, господствующего класса, хотя материал и уровень исследования позволили бы это сделать. Между тем монография показывает, что явно назрела необходимость не только выявить соотношение категорий «господствующие классы» и «эксплуататорские классы» применительно к ранней Византии (и поздней Римской империи вообще), но и поставить вопрос о критериях выделения фракций эксплуататорских групп, осуществлявших в империи реальное экономическое и политическое господство. Убедительные и отчасти новаторские методы, с помощью которых Г. Е. Лебедева провела свой социальный анализ, позволили ей в целом дать довольно полную картину общественного развития ранней Византии во всей его динамике. В книге определено место рассматриваемых социальных групп в обществе (в основном в качественном, менее — естественно — в количественном отношении). Ретроспективно и перспективно исследована социальная динамика эксплуатируемых и эксплуататорских групп. Другое дело, что работа, к сожалению, не предусматривала определение этой динамики в рамках существовавших в Византии укладов и в сравнении по принадлежности к этим укладам.

Монография Г. Е. Лебедевой доказывает огромные возможности анализа ранневизантийского законодательства для понимания развития социальной сферы восточно-средиземноморского региона IV—VI вв., возможности, во многом реализованные автором. В этом заключается крупный вклад ленинградской исследовательницы в советскую медиевистику.

А. С. Козлов

¹ Koder J. Die byzantinische Geschichtsquellen und ihre Auswertung in der Forschung. — JÖB, 1981, 31, I, S. 88.

² Bulletin d'Information et de Coordination, 8. Athènes; Paris, 1975—1976, p. 16.

Никополя, Кефаллени, уже вышли в свет ³.

Сегодня можно было бы назвать три крупнейших европейских центра, занятых разработкой тех или иных проблем исторической географии Византии: упомянутая выше комиссия по изданию *Tabula Imperii Byzantini* в Вене, которую возглавляет Г. Хунгер; центр византийских исследований в Афинах, разрабатывающий преимущественно проблемы региональной географии Греции; центр византийских исследований при Сорбонском университете во главе с Э. Арвейлер, где проблемы исторической географии стали одной из ведущих тем исследований. Работы французских ученых по топонимике и ландшафтам малоазийских византийских провинций во многом способствовали выходу в свет последних томов *Tabula Imperii Byzantini*.

Вопросы региональной топонимики давно привлекают внимание болгарских ученых, использующих в своих исследованиях и лингвистический анализ топонимов ⁴.

В отечественной византистике в области исторической географии успешно работают армянские ученые. Проблемы древней картографии и культурных отношений Византии и Армении стали предметом исследования С. Т. Еремяна. Им подготовлена к изданию реконструкция карт древнеармянского Атласа мира на основе географического трактата VII в. Анагия Ширакици, известного под названием «Армянская география VII в.» Исследованию восточных границ империи в XI—XII вв. посвящена вышедшая недавно работа В. А. Арутюновой ⁵.

Среди международных конференций, в проблематику которых вошли актуальные вопросы исторической географии, отметим франко-советский коллоквиум, состоявшийся осенью 1979 г. в Париже ⁶. Публикация некоторых докладов, сделанных французскими учеными, как раз и составляет основу рецензируемого сборника *Geographica Byzantina*, вышедшего в серии *Byzantina-Sorbonensia* ⁷.

³ *Tabula Imperii Byzantini* / Hrsg. von H. Hunger. Wien, 1976—1984, Bd. 1—3.

⁴ Подробнее об этих исследованиях см.: *Bulletin d'Information et Coordination*, 8, p. 81—83.

⁵ *Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах империи. Ереван, 1980.*

⁶ Подробнее о коллоквиуме см.: *Осипова К. А. Франко-советский коллоквиум по проблемам византиноведения в Париже. — ВВ, 1981, 42, с. 244—246.*

⁷ Эта серия издается с 1975 г. Центром исследований по византийской истории и цивилизации при университете в Сорбонне. Она охватывает публикации по двум направлениям исторической географии: историческая география и демография и материалы для вспомогательных изданий по исторической географии.

Эти исследования, по предположению авторов, должны войти либо в региональные монографии, либо послужить составлению соответствующих атласов и словарей. Большая часть их посвящена частным вопросам исторической географии, проблемам локализации и идентификации отдельных топонимов. Таковы исследования Н. Тьери, подтверждающие идентификацию упомянутого античными и византийскими авторами города Веназы в Каппадокии с современным Аваносом ⁸; А. Бортоли-Казански о распределении мрамора, вознившего в Крым с острова Прокопнея ⁹; А. Аврамеа о географии культа святого Христофора в Греции ¹⁰; Э. Арвейлер о локализации монастыря Святого Креста в Сирихе ¹¹.

Результаты представленных исследований свидетельствуют о том, что решение частных вопросов часто ставит перед специалистами новые большие проблемы. Это касается прежде всего границ фемы Харсиан, которая на протяжении своего долгого существования не раз подвергалась территориальным трансформациям. Э. Арвейлер не без основания полагает, что уточнить пределы фемы во многом помогла бы более точная идентификация отдельных городов, деревень, крепостей, находившихся некогда на ее территории. Опираясь на сведения византийских авторов о бегстве Самоны в Мелитену и точнее локализуя расположение монастыря Святого Креста, послужившего для него убежищем, она приходит к выводу о необходимости пересмотра традиционных границ фемы.

Крепость и фема Харсиан находятся в центре внимания статьи Д. Поташ ¹². Автор, использовавший данные греческих и арабских источников, археологические материалы, а также обширную литературу по этому вопросу, убедительно показывает ту важную роль, которую играли крепость и фема Харсиан в системе обороны византийской империи в Малой Азии. Контролируя важнейшие военные дороги, соединяющие Константинополь с Анкирой, Севастией и Мелитеной, фема успешно противостояла арабским вторжениям и была важным инструментом политики Василия I по отношению к павликианам. Однако по источникам, упоминающим Харсиан, не всегда можно понять, идет ли речь о го-

⁸ *Thierry N. Avanos-Vénasa*, p. 119—130.

⁹ *Bortoli-Kazanski A. La répartition du marbre de Proconèse en Crimée à l'époque paléochrétienne*, p. 55—65.

¹⁰ *Avraméa A. La géographie du culte de saint Christophe en Grèce à l'époque méso-byzantine et l'évêché de Lacédémone au début du Xe siècle*, p. 31—35.

¹¹ *Ahrweiler H. Sur la localisation du couvent de Timios Stauros de Syricha*, p. 9—15.

¹² *Potache D. Le thème et la forteresse de Charsianon: recherches dans la région d'Akdagmadeni*, p. 107—117.

роде, цитадели или феме в целом. Этот топоним, идентифицируемый с «Харсана» арабских авторов, часто встречается с различными орфографическими вариантами в Каппадокии и армяно-сирийском регионе, что давало повод для длительных споров относительно локализации крепости Харсиан. Обнаруженные в последние годы остатки крепостей и укреплений, а также сведения арабских авторов, связанные с экспедициями в Харсиан Сайф ад-Даулы, позволили автору не только определить местоположение крепости, но и прийти к заключению о существовании оборонительной системы, защищавшей дорогу Анкира—Севастия.

Наряду с исследованиями по частным вопросам в сборнике представлен ряд статей, которые по своему значению выходят за пределы только исторической географии. Ж.-П. Арньон и Ж.-Ф. Дюно рассматривают важный вопрос об эволюции понятия «граница» в византийской историографии на примере терминологии Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного¹³. Анализ словоупотребления Прокопия позволяет уточнить его концепцию восточных границ, которые он представляет себе как исконную часть ромейской ойкумены ('Ρωμαίων γῆ), имеющей достаточно точные границы (ἔθρα, ἐσχατῖαι.) Его метод изложения и стиль, восходящие к Геродоту и Фукидиду, подтверждают преемственность античной традиции. С другой стороны, будучи свидетелем войн Юстиниана и имея возможность наблюдать события на границе, он оставил весьма интересные описания крепостей и ландшафтов, основанные на собственном визуальном наблюдении. Терминология границ императора Константина VII отличается большей технической сложностью. По мнению авторов, значительное влияние на изменение лексики оказала деятельность Льва Математика и Фотия.

Однако корни этого явления, как нам кажется, кроются гораздо глубже. Византийская восточная граница представляла собой весьма подвижную структуру, подвижную не только в географическом отношении, но и в социально-политическом. Политические сдвиги на Ближнем Востоке в VII—X вв., образование халифата и арабская экспансия на запад привели не только к смещению границ в новую этногеографическую среду, но и к новым политическим образованиям на византийском востоке (армянские царства, мусульманские эмираты). Более того, в докладе советских ученых на Международном конгрессе византистов был поставлен вопрос о существовании на

восточных границах империи особой подвижной многоэтнической структуры, которая оказывала постоянное социальное и культурное влияние на Византию¹⁴. Поэтому новые явления, появившиеся в пограничных областях со времен Прокопия, не могли не сказаться и на эволюции терминологии, которую мы можем наблюдать у Константина Багрянородного.

Не меньший интерес представляет исследование М. Пиррен-Анри четвертой книги «О постройках» Прокопия. Обстоятельный источниковедческий анализ приводит автора к выводам, важным для всей композиции сочинения. Первоначально четвертая часть была предназначена для публичного чтения о постройках Константинополя. Позже Прокопий добавляет к ней сведения о сооружениях на Via Egnatia и, наконец, о постройках на всей европейской части империи. Топонимические списки не всегда, по мнению автора, имеют логическую связь с контекстом, что свидетельствует о том, что разные части были написаны в разное время. Поскольку языком оригинала топонимических списков был латинский, при идентификации топонимов следует принимать во внимание фонетическую неустойчивость этого языка в VI в. и греческая транскрипция, выполненная Прокопием, должна приниматься весьма осторожно. Отметим также, что своему лепту в деформацию топонимов внесла и рукописная традиция¹⁵.

В целом же результаты исследований французских ученых, опирающиеся на комплексный анализ широкого круга источников, являются бесспорным вкладом в развитие исторической географии, области достаточно новой для византистики, и послужат хорошим материалом не только для подготовки справочных изданий, но и работ монографического характера. Эти публикации представляют интерес как для специалистов по исторической географии, так и для исследователей широкого профиля.

Однако проблематика исторической географии не ограничивается только топонимическими и региональными вопросами. Она охватывает и достаточно широкий круг культурных проблем, среди которых важное место занимают проблемы развития космографических представлений в Византии. Тесно смыкаясь с космогонией, они играли далеко не последнюю роль в формировании византийской культуры в целом.

С. Н. Гукова

¹³ Arrignon J.-P., Duneau J.-F. La frontière chez deux auteurs byzantins: Procop de Césarée et Constantin Porphyrogénète, p. 17—30.

¹⁴ Actes du XIVe Congrès International des études byzantines, 1. Bucarest, 1974, p. 231—236.

¹⁵ Beševliev V. Procopiana. — RESEE, 1969, VII, p. 39—41.